

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИИ

ОЛЬГА ИВАЩЕНКО,

кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела социальных структур Института социологии НАН Украины

Об обновленном каноне Гидденса

Giddens A., Sutton Ph.W. Sociology. 7th edition. — L.: Polity Press, 2013. — 1182 p.

Giddens A., Sutton Ph.W. Essential Concepts in Sociology. — L.: Polity press, 2014. — 223 p.

Sociology. Introductory readings. 3^d edition / Ed. by A.Giddens, P.W.Sutton, 2010. — 347 p. — <https://www.polity.co.uk/giddens7/resources>

Минуло уже пятнадцать лет с тех пор, когда киевское издательство “Основы” подготовило и издало в 1999 году впервые на украинском языке учебник по социологии Энтони Гидденса (по третьему англоязычному изданию). Популярное в мире введение в социологию ведущего британского социолога стало с того времени известным и доступным также для отечественных социологов, независимо от степени знакомства с предметом. В 2013 году издательство “Polity Press” выпустило последнее седьмое издание учебника “Социология”, написанное на этот раз в соавторстве с Филиппом Саттоном — независимым исследователем, который раньше преподавал социологию в Университете Лидса и Университете Роберта Гордона в Абердине. Новое издание этого базового не только для Великобритании, но и в целом для Европы учебника по социологии, значительного по объему (1180 страниц), существенно изменило структуру, перечень основных тем, доказывая тем самым для тех, кто интересуется, что социология — это наука о меняющемся обществе, — и не только на постсоветском пространстве. Скорее всего именно учитывая увеличенный объем учебника, Гидденс вместе с соавтором впервые подготовил и опубликовал в 2014 году отдельное сопроводительное издание книги “Основные понятия социологии” (Essential concepts in sociology), которое собственно и начинается с максимы о том, что социальная жизнь никогда не бывает статичной, а постоянно находится в

процессе изменений. Хотя социология как наука — это продукт XIX века, однако вынуждена развиваться в ногу со временем, дабы избежать нерелевантности, поэтому для понимания все более глобализирующегося мира обычные устоявшиеся понятия требуют переоценки, как и объяснения целесообразности создания новых. Авторы подчеркивают, что вообще не планировали создавать исчерпывающий комpendиум социологических понятий, а лишь пытались пересмотреть почти семьдесят понятий, которыми пользуется современная социологическая наука, чтобы не только отдать должное тем, что прошли испытание временем, как например, “власть”, “класс”, “идеология”, “общество” и “культура”, и использовались в течение всего периода существования социологии, но и обратиться к новым, таким как “гендер”, “консьюеризм”, “идентичность”, “жизненный путь”, и совсем недавним — “крескедионность” (intersectionality), “глобализация”, “риск”, “возобновляемая справедливость” (restorative justice). Авторы не просто предлагают дефиниции таких понятий, а скорее приглашают к широкой дискуссии по поводу каждого понятия в историческом и теоретическом контексте, определяя их суть и применение и не избегая при этом определенного критицизма.

Становление понятийного аппарата социологии тесно связано с теоретическими и эмпирическими исследованиями, которые требовали собственного набора понятий для решения определенных исследовательских задач и интерпретации результатов. Отдельные понятия, например “статус”, “класс” и “риск”, обязанные своим возникновением самому обществу, в дальнейшем получили более четкое значение уже в контексте социологии, другие — вроде “отчуждения” и “глобализации” — возникли в среде социологов с конкретной исследовательской целью, но со временем их начали широко использовать в повседневной жизни. Авторы подчеркивают, что такого взаимного процесса возникновения и дальнейшего использования понятий не было, например, в естественных науках, но в социологии понятия, теоретические концепции, исследовательские наработки оказывали влияние на общество, а потому и социологические исследования всегда выступали составной частью постоянного процесса взаимовлияния между социологами и предметом их изучения — обществом.

Структура книги “Основные понятия социологии” отражает авторский подход к освещению процесса возникновения, развития и применения социологических базовых понятий в тематическом разрезе, образуя десять блоков: 1. Социологическое мышление. 2. Действенная социология. 3. Инвайронментализм и урбанизм. 4. Структуры общества. 5. Неравные жизненные шансы. 6. Отношения и жизненный путь. 7. Интеракция и коммуникация. 8. Здоровье, болезнь и тело. 9. Преступление и общественный надзор. 10. Политическая социология. В каждой главе самые важные понятия изложены по единой для всех глав схеме: рабочая дефиниция — истоки, происхождение понятия — суть и интерпретация — критические замечания — пролонгированная целесообразность применения со списком рекомендованной литературы для дальнейшего чтения в конце главы. Безусловно, такая книга представляется полезной вспомогательной находкой для преподавателей и студентов в учебном процессе, представляя собой, в определенном смысле, квинтэссенцию весьма объемного новейшего учебника по социологии Э.Гидденса и Ф.Саттона 7-го издания 2013 года. Структура этого нового учебника, как и 6-го, автором которого был Гидденс, издания 2009 года, существенно отличается от предыдущих изданий не только увеличенным перечнем глав и обновленным контентом (например, по сравнению с 21 главой третьего издания 1999 года), но и существенным изменением логики последовательности представления базовых тем. На этот раз учебник формируется из 23 тематических разделов, каждый из которых отвечает определенному предмету изучения, например, бедность, политика, преступность, гендер или окружающая среда. Однако в предисловии авторы учебника выделяют три центральных сквозных темы, отражающих ключевые проблемные направления современной социологии; это — социальные изменения; глобализация общественной жизни; соци-

альное неравенство. Если первые две темы пролонгированы из предыдущих изданий, где раньше указывалось еще и на гендер и необходимость исторического подхода, компаративизм и связи общественного с личным, то теперь третьей сквозной темой стало социальное неравенство. Аспекты микро-макросвязи, сравнительно-исторического взгляда, связи общественного и индивидуального отнесены к составляющим авторского социологического подхода.

Любопытной новацией учебника (на что указывают во введении его авторы) стало дополнение каждой главы секцией “Общество в искусстве”, что помогает взглянуть на общество не с позиции академической социальной науки, а сквозь призму произведений искусства и гуманитаристики. Для этого в соответствии с темой предлагаются определенные фильмы, проза, пьесы, телепрограммы, живопись и скульптуры, музыка с выставочные экспозиции, где в художественном отображении предстают репрезентации современной общественной жизни, которые могут расширить наши знания об обществе.

Новый учебник традиционно для Гидденса открывается первой главой “Что такое социология?”, расширенный предыдущий контент которой теперь изложен во второй главе “Спрашивая и отвечая на социологические вопросы”. Эти две первых главы касаются собственно введения в социологию, а точнее, тем социологического воображения и развития социологического мышления, обосновывая необходимость социологии для изучения людей и общества. “Социология просто определяется как научное исследование человеческой жизни, социальных групп, целых обществ и человеческого мира как такового... Социология настаивает на более широком взгляде для понимания того, почему мы поступаем именно таким образом... Понимание неуловимого комплекса и глубинных способов индивидуальной жизни, отражая контексты нашего социального опыта, и является базовым для социологической перспективы” [Giddens, Sutton, 2013: p. 4].

В первой главе кратко описывается история возникновения и развития социологии, где выделяются фигуры основателей науки — Э.Дюркгейма, К.Маркса и М.Вебера с биографической справкой и кратким изложением их вклада, детальнее рассмотренного уже в теоретическом разделе. Вторая глава “Спрашивая и отвечая на социологические вопросы” новая, более подробная; здесь освещается то, как социологи собственно “делают” социологию, когда, задаваясь определенными проблемными вопросами с использованием разных исследовательских методов, ищут ответы на них с дальнейшей оценкой полученных данных и результатов.

Главное, на мой взгляд, действительно важное отличие этого издания учебника, как и предыдущих 5-го (2006) и 6-го (2009) изданий, — это изменение приоритетного места теоретической части, которая теперь переместилась с конца в начало, образовав третью главу. Вполне понятна обусловленность такого изменения, ведь, как подчеркивают авторы учебника, теории выступают сущностной частью всех академических предметов, давая возможность для обоснованных объяснений, а не простого перечня фактов, расширяющего наше знание. Хотя каждая глава учебника имеет теоретическую часть в соответствии с предметом, специальный теоретический раздел кристаллизуется весомость и значение основных теоретических наработок для социологической науки, при этом не упуская случая для критического взгляда.

Очевидным изменениям подверглась логика последовательности представленных в главе теоретических перспектив, объяснение чего содержится в самих названиях параграфов главы, начиная с подраздела “Двигаясь к социологии”, где указано, что позитивизм, социальная эволюция и Карл Маркс как выразитель капиталистической революции сформировали дисциплинарные предпосылки становления социологии как науки. Но общая социологическая перспектива возникла благодаря двум революционным трансформациям — промышленной революции XVIII–XIX веков и Французской революции XVIII века, явившейся следствием эпохи европейского Просвещения. Огюст Конт усматривал в науке об обществе, которую назвал “социология”,

сходство с естественными науками, которое воплощается в управлении позитивистским подходом для получения надежных знаний о социальном мире. Герберт Спенсер, подхватив идеи Конта, обосновал предметность общества для социального эволюционизма, подобно тому, как природа является предметом биологической эволюции. Одним из социальных эволюционистов XIX века предстал Карл Маркс, когда развил базовые идеи о классовом конфликте и социальных изменениях, хотя при жизни ни он, ни его соратник Фридрих Энгельс никогда не считали себя профессиональными социологами. Однако их поиск понимания капиталистического общества привел к объяснению долговременных социальных изменений. Маркс усматривал свою заслугу в научной работе, в первую очередь, в отрыве от спекулятивной философии, которая просто интерпретировала мир, хотя нужно было изменять его. Признательная важность трудов Маркса для социологии в разных аспектах, Гидденс фокусируется на значении изучения капитализма в рамках более широкой теории классового конфликта как движущей силы истории. Марксова теория, принадлежащая к историческому материализму, в действительности является материалистической концепцией истории, и в противовес идеалистической философии, которая настаивает на первичности абстрактных идей и идеалов, таких как свобода и демократия, для исторического развития, отстаивает доминантность идей, отражающих господствующий образ жизни, обусловленный спецификой способа производства.

Каждая представленная в главе теоретическая перспектива не только проанализирована с учетом важнейших аспектов, но и оценена авторами учебника. В отношении Маркса они замечают, что для него теория индустриализма как таковая была несущественной, несмотря на то, что индустриализация требовала индустриальных проводников, каковыми оказались капиталистические предприниматели. А понимание индустриальной системы означает также понимание новых капиталистических общественных отношений, которые дают преимущества для меньшинства и невыгоды для большинства. Как подчеркивают авторы, обращение к Марксу является уместным напоминанием о том, что все эти фабрики, заводы, мастерские, вместе с внутренним оборудованием, а сегодня с компьютерами и Интернетом, не материализуются из воздуха, а продуцируются индустриальной системой с антагонистическими общественными отношениями. “Гранд”-теория Маркса очень полезна, поскольку понятие “способ производства” позволяет нам вместить огромный массив исторических фактов в общую теоретическую конструкцию, облегчая тем самым их понимание. Однако работа Маркса указывает на основную проблему “великих” теорий: сложность их эмпирической проверки. “Действительно ли факт того, что коммунистическая революция не свершилась в индустриализованных странах 160 лет назад после публикации Коммунистического Манифеста (1848) демонстрирует ошибочность центрального теоретического предвосхищения? Если да, тогда не означает ли это, что и другие положения Маркса были ошибочными? Как тогда быть вообще с подходом исторического материализма?” [Giddens, Sutton, 2013: p. 76]. Марксисты позже объяснили причины отсутствия коммунистических революций, правда, благодаря определенной модификации Марксовых идей; это в параграфе отражено в отдельном подпункте “Классические исследования” на примере неомарксистской Франкфуртской школы. Как известно, Маркс в середине XIX века предсказал неотвратимость близкой революции рабочего класса, которая, между тем, при его жизни не свершилась. Позже Российская революция 1917 года доказала Марксово предвидение, однако коммунизм так и не распространился на западные индустриализованные страны, напротив, 1930-е годы ознаменовались всплеском фашизма в Италии и нацизма в Германии и в обоих случаях — агрессивно антикоммунистических движений. Тогда перед марксистами и встал вопрос об адекватности Марксовой теории для понимания капиталистического развития, что привело к разработке новых версий этой теории, а именно к появлению неомарксистской теоретической перспективы. Основываясь на идеях Маркса, Фрейда и Конта, ученые

Франкфуртской школы (Т.Адорно, Г.Маркузе, Ю.Хабермас и др.) развивали знания о капитализме, фашизме, массовой культуре и появлении общества потребления. После крушения Берлинской стены, разделявшей Восточную Германию и капиталистический Запад, и падения коммунистического режима СССР идеи Маркса и марксистские теории в целом, согласно Гидденсу, существенно утратили свои позиции в социологии. Однако кредитный кризис 2008 года вновь напомнил ученым о капитализме как экономической системе со взлетами и падениями, кризисные последствия чего становятся потенциально более серьезными. Хотя Марксову теорию сегодня можно считать неэффективной, тем не менее марксистский анализ капиталистической экономики активно привлекается к обсуждению возможных направлений современных социальных изменений и общественных трансформаций.

Второй параграф “Становление социологии” — сердцевиная часть теоретического раздела. Поскольку Конт, Спенсер, Маркс только заложили фундамент для развития социологии, которая в то время еще не была формализована как наука, то стадия ее становления в качестве академической дисциплины приходится на более позднее время, связанное с другими именами. Социология стала одной из составляющих Контовой иерархии наук, но чтобы получить статус уважаемой науки наравне с естественными, ей пришлось преодолеть долгий путь, который прокладывали исторические личности, среди которых первым, безусловно, является Эмиль Дюркгейм. Интересно, что ранее Гидденс обращался к фигуре Дюркгейма лишь как к одному из основателей социологии, вслед за Контом, а теперь признал его стержневой фигурой развития академической социологии в целом. Дюркгейм был первым профессором по социальным наукам во Франции, после университета Бордо он стал первым профессором по науке об образовании и социологии в Сорбонне в Париже. С тех пор, замечает Гидденс, “социология получила опору для академического становления” [Giddens, Sutton, 2013: p. 78]. Влияние Дюркгейма существенно сказалось и на самом предметном поле социологии; поскольку он акцентировал на специфичности социальных феноменов, для изучения которых нужно преодолевать рамки индивидуального взаимодействия, отказываясь от индивидуалистической психологии и абстрактной философии, и продвигаться к реальности, ибо социальную жизнь нельзя сводить к простому агрегированию индивидуальных действий или мнений. Дюркгейм настаивал на том, что психология индивидов не является предметом социологии, которая касается коллективных феноменов; именно социальные институты и социальные формы — социальные движения, организации, семья, означивая “населяющих” их отдельных индивидов, формируют определенную социальную реальность. Оценивая вклад Дюркгейма в развитие функционализма, авторы учебника подчеркивают, что это теоретическое направление довольно долгое время было влиятельным в социологии, став полезным для изучения консенсусности общества, но сегодня начал терять позиции в силу его неэффективности в изучении конфликта и радикальных социальных изменений.

В общем XX век с 40-х до 60-х годов был отмечен развитием новой версии функционалистской теории — структурного функционализма, хоть и центральной, но все же не господствующей парадигмы тогдашней социологии, проводниками которой стали американские социологи Р.Мертон и его наставник Т.Парсонс. Последний, объединив идеи предшественников для определения первичности теоретической точки отсчета — проблемы социального порядка, сосредоточился на изучении социальной системы, предложив модель потребностей социальной системы для обеспечения ее существования, известную как AGIL (экономическая подсистема выполняет адаптивную функцию, политическая определяет цели общества и средства их достижения, община выполняет интегративную функцию, образовательная подсистема является транслятором культуры и ценностей). Отвечая на вопрос о консенсусности социальной системы, и эта версия функционализма тоже недостаточно внимания уделяла фундаментальным конфликтам. Поэтому Р.Мертон про-

должил теоретический поиск в более критическом направлении, признавая социологическую перегруженность теоретизирования макро- и микроуровнем общества, когда нужно сосредоточиться на изучении срединного уровня, введя соответствующую теорию мезоуровня. Кроме этого Мертону принадлежит заслуга выделения открытых и латентных функций, акцентирование внимания на определенных элементах дисфункциональности институтов, что позволило привлечь конфликт и потенциальность его возникновения в функционалистский дискурс. В 1980-е годы Дж.Александр возобновил теоретическую разработку этого направления, но только до 1997 года, когда признал, что внутренние противоречия неофункционализма свидетельствуют о его исчерпанности, поэтому следует развивать социологическую теорию за функционалистскими рамками. Как отмечает Гидденс и его соавтор, идеи Парсонса в свое время оказались весомыми для исследования стабильно развивавшихся послевоенных обществ, но в 1970-е годы утратившими свою теоретическую приоритетность из-за распространения социальных конфликтов, антивоенных протестов, радикальных студенческих движений, что актуализировало конфликтные теории в их релевантности к новым общественным реалиям.

В ряду главных для становления социологии как науки фигур, по определению авторов учебника, третьим после К.Маркса и Э.Дюркгейма является М.Вебер, чье видение преобладает над многими актороцентрическими теоретическими подходами. Вебер задался целью исследовать, почему капитализм возник именно на Западе, посвятив этому работу над книгой “Протестантская этика и дух капитализма”, в которой определил, что ключевым отличием капиталистического развития на Западе является не имеющее исторических аналогий отношение к накоплению богатства, — “дух капитализма”, то есть мотивационный набор верований и ценностей, установленный первыми капиталистическими торговцами и промышленниками, которые не тратили аккумулированные средства на материалистические ценности и роскошную жизнь, а инвестировали их в развитие своих предприятий, что и дало толчок развитию капитализма. Вебер доказывал действенность фактора религиозного происхождения духа капитализма, влияния на формирование экономической модели поведения именно религиозных убеждений протестантизма, а точнее, пуританизма, который разделяли первые предприниматели. Однако определенные противоречия, присущие теории Вебера, позже вызвали немало критических замечаний, в частности относительно “духа капитализма”, который можно было увидеть задолго до кальвинизма, например, в итальянских торговых городах XII века, в “работе по призванию”, свойственной и католицизму, а не только протестантизму. Однако в социологическую теорию Вебер внес научно признанный вклад, впервые обратившись к фактору религиозных верований в становлении капитализма и соответствующего типа общества. Такой ценностный подход, применяемый для изучения раннего капитализма, можно использовать и для более поздних фаз капиталистического развития, да и вообще, как известно, “хорошая теория хороша не только тем, что хорошо обоснована, но и тем, что стала импульсом для дальнейших человекоцентрических теоретизирований”.

Следующий параграф раздела социологических теорий “Продолжение теоретических дилемм” посвящен конкретизации того, как мы можем и должны “делать” социологию на примере вопросов социальной структуры и человеческого деятельного актора и консенсуса vs конфликта. Объединение факторов структуры и деятеля в одной теоретической перспективе стало наиболее продуктивным подходом, который успешно использовали Н.Элиас и Э.Гидденс, лучшим подтверждением чего стал успех фигуративной социологии первого и теории структуризации второго, ныне распространенных исследовательских направлений социологического исследования. Дилемма консенсуса и конфликта, имея продолжительную историю в социологическом теоретическом наследии, актуализировала важность понятия идеологии — учета идей, ценностей и убеждений, что помогло выделить более влиятельные

группы относительно менее влиятельных, ведь власть, идеология и конфликт всегда тесно связаны между собой. Определенное идеологическое доминирование часто может служить на пользу консенсусу, когда интернализированные идеологические взгляды ведут к принятию людьми даже очень глубоких неравенств в отношении статуса, возможностей и условий жизни. Для примера в этой части учебника авторы обращаются не к персоналиям ученых, а к конкретным недавним историческим событиям — Арабской весне 2011 года, когда конфликт и консенсус оказались не естественными, а приобретенными в результате конкретных социальных процессов.

Теоретический раздел завершается параграфом “Трансформация общества и социологии”, где подчеркивается важность взаимосвязи между возникновением социальных проблем и определенным теоретическим откликом для их изучения и объяснения. Начиная с краткого критического анализа долговременного доминирования теоретических подходов к изучению капиталистических обществ в рамках “Маркс — Вебер” дебатов, авторы учебника отмечают, что вопрос состоит не в том, чей подход в интерпретации общественных изменений был более корректен, поскольку для социологии любая теория важна, если помогает освещать существенные аспекты общественной жизни. Если классики были успешными в исследовании современных им обществ в соответствии с процессами индустриализации, бюрократизации капиталистического развития, то сегодня для изучения гендерных отношений, мультикультурных обществ, глобализации, социальных рисков или проблем окружающей среды существует потребность в других новых теориях. Современные общества изменялись часто теоретически непредсказуемыми путями, а “мужская” социология пренебрегала опытом женщин. Ныне, напротив, наблюдаем выход на первые позиции и феминизма, и постколониализма, которые в данное время имеют статус теорий, весьма широко представленных в учебнике.

К теоретическим достижениям применительно к социологии авторы учебника относят наработки интеллектуального движения постструктурализма в лице ведущих его представителей М.Фуко, Ж.Деррида, Ю.Кристовой и постмодернизма, благодаря весомому вкладу в него Ж.Бодрийяра и З.Баумана, хотя и настаивают на научной противоречивости этого наследия. Ведь чтобы изучать постмодерный мир, не обязательно прибегать к особой теории или постмодерной социологии, и нет ни малейших оснований считать социологию неспособной к описанию, пониманию и объяснению постмодерного мира. Поэтому не постмодернизм, а теория глобализации ныне доминирует в контексте понимания направлений нынешних социальных изменений и представлена в учебнике вкладом Э.Гидденса и У.Бека.

Резюмируя содержание теоретического раздела, авторы учебника, отдают должное классическому теоретическому наследию, сформированному идеями классиков Маркса, Дюркгейма и Вебера в период тогдашних великих социальных, политических, экономических изменений, и подчеркивают потребность в обновлении социологических теорий для интерпретации современных общественных трендов во времена глобальных трансформаций на базе общего использования прежних и новых теорий с тестированием их в плане эффективности применения. Вся история социологического теоретизирования убеждает, что успешные теоретические подходы всегда востребованы и продолжают развиваться, а многообразие направлений современного социологического теоретизирования свидетельствует скорее о комбинировании, чем о разделе между классическими и современными теоретическими перспективами. Раздел завершается темами для самостоятельной работы, списком рекомендованных опубликованных источников, теперь уже включая интернет-линки.

Переместив теоретический раздел в начало учебника, его авторы тем самым подчеркнули первичность теории в постижении социологической проблематики, значительно ее осовременив, что отразилось в названиях дальнейших глав, порядок размещения которых соответствует смене тематических приоритетов. Так, тема “Глобализация и социальные изменения” переместилась на почетное четвертое мес-

то сразу после теоретического раздела, а тема “Окружающая среда” теперь образует пятую главу. Темы “Бедность, социальная эксклюзия и благосостояние” и “Глобальное неравенство” были выделены из главы “Стратификация и классовая структура” учебника 3-го издания и образовали новые главы, указав тем самым на важность этих тем для современных обществ и социологии. Тематика главы “Государство, политическая власть и война” из предыдущего издания теперь расширилась, сформировав две заключительные главы нового учебника: “Политика, правление и социальные движения” и “Нации, война и терроризм”, частично вобрав в себя контент исключенной теперь темы “Революции и общественные движения”. Таким образом, количество глав возросло до 23 против предыдущих 21, к тому же были переформатированы отдельные главы 3-го издания, в частности глава “Человеческое тело, питание, заболевания и старение” — в 7-м издании она оформилась в главу “Здоровье, болезнь и недееспособность”.

Однако несколько удивляет то, что в новом учебнике не нашлось аргументов в пользу ранее традиционной главы “Культура, общество и индивид”, тогда как была введена совсем новая глава “Жизненный путь”, которая раньше была всего лишь параграфом указанной главы. Типологию обществ авторы перенесли в главу о глобализации, где аспект культуры лишь затронут в параграфе о социально-культурных изменениях. Почему авторы сняли тему культуры вообще, остается непонятным, поскольку мне не удалось найти в тексте какого-либо авторского объяснения. Впрочем, глоссарий привычно содержит понятия культуры, культурной репродукции и культурного плюрализма.

Все же неизменными в тематическом перечне остались большинство глав и их названия из предыдущего издания учебника, в частности “Города и урбанистическая жизнь”, “Труд и экономика”, “Социальное взаимодействие и повседневная жизнь”, “Семьи (а не семья. — *О.И.*) и интимные отношения”, “Гендер и сексуальность”, “Религия, образование, медиа”, “Преступление и девиантность”, правда — с заметно измененным и расширенным контекстом.

Рассмотрим это на примере главы “Труд и экономика”, которая теперь переместилась с 12-го на 7-е место, насчитывая 50 страниц против предыдущих 30. Если раньше главу образовывали 7 параграфов с четкими и короткими названиями: “Оплачиваемый и неоплачиваемый труд”, “Разделение труда и экономическая зависимость”, “Тенденции в системе занятости”, “Профсоюзы и производственный конфликт”, “Женщины и труд”, “Безработица”, “Будущее труда”, то теперь глава открывается параграфом “Глобальная экономика в кризисе”, где отражено то, как финансовый кризис 2008 года, начавшись в США, повлиял на экономику европейских стран и всего мира, особенно сказавшись на странах Южной Европы. Экономическая рецессия привела к существенным проблемам в социальной жизни — безработице и усилению неравенства, что в основном комментировалось экспертами-экономистами, а не социологами, хотя все основатели социологии изучали именно экономические феномены — рынки, разделение труда, трудовые и бизнес-корпорации, — то, что сегодня образует проблемное поле экономической социологии. Поэтому следующий параграф “Экономическая социология” посвящен развитию этой социологической отраслевой науки в XX веке, начиная с теоретических наработок в терминах фордизма, тейлоризма и постфордизма для определения новых трендов в производственной и потребительской сферах современных экономик. Классики социологии Дюркгейм, Маркс и Вебер в своих исследованиях возникновения и развития индустриальных капиталистических обществ представляли экономику как часть общества, социальной системы в целом, что затем продолжили Парсонс и Смелзер, а с конца 1980-х — М. Грановеттер, который уже рассматривал рынки как социальные феномены, находящиеся под влиянием социальных отношений и статусного соревнования. В результате этих социологических достижений был сформирован базовый и ныне действующий подход экономической социологии к рассмотрению всех

экономических акторов как укорененных в более широкой системе социальных отношений и институтов. Следующий параграф этой главы посвящен изменению “природы” самого труда: речь идет об оплачиваемом/неоплачиваемом труде в формальной и неформальной экономике, домохозяйстве, предпринимательстве со специфическими характеристиками для развитых и развивающихся стран. Глава, как, кстати, и весь учебник, содержит много фактологического статистического материала для отражения изменений в структуре отраслевой занятости, гендерном распределении занятости, оплате труда, деквалификационных трендах и занятости в наукоемких отраслях, и наконец трудовой деградации в капиталистической экономике. Социальное значение труда все-таки остается актуальным, учитывая такие явления, как потеря работы и нестабильная занятость, угроза безработицы и пролонгированная незанятость, увеличение численности молодежи, находящейся в состоянии не/работы-обучения-стажировки. В заключительном параграфе этой главы авторы учебника обращаются к результатам исследования рабочих синих воротничков, начатого еще в 1970 году американским социологом Р.Сеннетом. Оно доказало неизбежность социальных последствий постфордизма, когда в условиях дискретной работы вместо последовательной трудовой карьеры размываются дальновидные жизненные цели, и люди уже не в состоянии оценить все конечные риски, ведь прежние привычные правила карьерного продвижения, увольнения или вознаграждения больше не срабатывают. Следует напомнить, что раньше, в 3-м издании, эту главу Гидденс завершал обзором достижений с цитированием французского социолога А.Горца, полагавшего, что в будущем оплачиваемый труд будет играть в человеческой жизни все меньшую роль, а люди будут заниматься различными видами нетрудовой деятельности, что будет способствовать самосовершенствованию. Исходя из сегодняшних экономических реалий, уместно повторить тогдашнюю ремарку Гидденса о том, что нам еще далеко до прогнозируемой Горцем ситуации, поэтому для таких интеллектуальных фантазий в новом учебнике уже не нашлось места.

Может показаться, что рецензируемое 7-е издание учебника Гидденса “Социология” в новой редакции совпало или, возможно, было приурочено к 25-годовщине публикации его первого издания 1989 года — времени окончания холодной войны, начала исторических изменений в Восточно-Центральной Европе и резни на площади Тяньаньмень. Тогда еще не было Интернета, хотя повседневная жизнь в развитых странах улучшалась, в частности более доступной становилась бытовая техника. Однако с тех пор происходили новые исторические события, поразительно изменялись экономика, политика, общества, и новые издания “Социологии” оперативно каждые три-четыре года откликались на эти изменения, актуализируя текущие общественные реалии. Статус бестселлера “Социологии” во все годы издания свидетельствует о признании Энтони Гидденса не только как ведущего мыслителя современности, но и как лектора, методиста, талантливого социолога, автора оригинального учебника, которым зачитываются все новые и новые студенческие поколения и по которому сверяют программную повестку дня преподаватели. Развивать социологическое мышление — вот что имел в виду признанный британский и мировой авторитет, начиная двадцать пять лет назад проект своего учебника, своеобразность которого заключается в регулярной актуализации проблематики в соответствии с общественными изменениями, а значит, и общественным запросом к социологической науке как к познавательному интерпретатору.

И наконец, стоит, по-видимому, закончить рецензию именно так, как закончили свое вступительное слово авторы последнего, 7-го издания “Социологии” Энтони Гидденс и Филипп Саттон: “Социология может также помочь изменить мир к лучшему. Мы надеемся, что вам понравится эта книга”. Приятного, нескудного и полезного всем чтения!